

Тема исторической памяти в прозе Чжан Юэжань на материале романа «Кокон»

Юлия Киселева, студент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), yugkiseleva@edu.hse.ru

Осмысление событий «культурной революции» (1966-1976) через призму литературного творчества продолжается по сей день, в связи с чем необходимо проследить, как менялось восприятие исторических событий представителями разных поколений и литературных течений. Статья посвящена отражению тем насилия и исторической памяти в романе Чжан Юэжань «Кокон» (茧, 2016), которые проявляются на уровне нарратива, образов персонажей, языковых средств и др. Исследование позволяет расширить представление о китайской литературе на рубеже XX-XXI вв., сделать важные выводы о специфике репрезентации травматических событий в произведениях поколения «поствоьмидесятников». Таким образом, в статье мы рассмотрим психологизм, обращение к понятиям памяти и «постпамяти», которые позволяют Чжан Юэжань по-новому продемонстрировать эмоциональный опыт переживания травмы людьми, рожденными после событий «культурной революции».

Ключевые слова: историческая память, коллективная травма, постпамять, фигура ненадежного нарратора, «культурная революция»

Для цитирования: Киселева Ю.Г. Тема исторической памяти в прозе Чжан Юэжань (на материале романа «Кокон») // Метаморфозис. 2025. Т. 9. № 2. С. 97-111.

Дата поступления: 03.11.2024.

Чжан Юэжань: жизнь и творчество

Чжан Юэжань родилась в 1982 году в городе Цзинань (провинция Шаньдун). Писательница выросла в семье университетского преподавателя, который привил ей любовь к литературе и чтению. Свои первые рассказы она начала публиковать в возрасте 14 лет, а уже к возрасту 20 лет Чжан Юэжань стали замечать в публичном пространстве. Так, в 2002 г. она была признана «самой талантливой» и «самой популярной писательницей» по результатам опроса на сайте Мэнъя 萌芽. Кроме того, Чжан Юэжань стала лауреатом нескольких литературных премий, среди которых «Шанхайская литература» (Шанхай вэньсюэ 上海文学) и «Маотай Бэй» 茅台杯.

На данный момент Чжан Юэжань имеет звание доцента филологического факультета Китайского народного университета в Пекине. Она продолжает писать и пользуется большой популярностью в Китае. Ее талант отмечали писатели. Мо Янь высказывался о Чжан Юэжань так: «Чувственность и мечтательность, стремительное вдохновение и отличные навыки владения языком показывают, что Чжан Юэжань имеет потенциал стать превосходным писателем <...> Чжан Юэжань выдающаяся»¹. Линь Бай писала: «Ее слова и воображение – источник света, ослепительного и невероятного. Вместе с Чжан Юэжань я готова вернуться в свою молодость, принять любовь и мечты»². Творчество Чжан Юэжань было выбрано в качестве объекта этого исследования не только по причине популярности произведений писательницы

на территории материкового Китая, но и благодаря затронутым в них темам насилия и исторической памяти.

В русскоязычном дискурсе по сей день произведения Чжан Юэжань считаются малоизученными. Концептуально ее творчество зачастую относят к т.н. поколению «поствоьмидесятников» (бапинхоу 八零后)³. Это поко-

¹ Мо Янь пинлунь соинь [莫言评论索引] (Индекс комментариев Мо Яня) // Цзюцзю цзаншу ван [九九藏书网] [Электронный ресурс]. URL: <https://www.99csww.com/book/2167/63462.htm> (дата обращения: 05.03.2024).

² Чжан Юэжань дэ цянъши ши и чжукуйхуа [张悦然的前世是一株葵花] (В прошлой жизни Чжан Юэжань была подсолнухом) // Цзюцзю цзаншу ван [九九藏书网] [Электронный ресурс]. URL: <https://www.99csww.com/book/2167/63461.htm> (дата обращения: 15.02.2024).

³ Куликова А.А. Художественное своеобразие прозы китайской писательницы Чжан Юэжань // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2024. 23(4). С. 32.

ление китайских писателей, рожденных преимущественно в период 1980-1989 гг., также именуется «новым поколением» (синьдай 新代) или «поздним поколением» (хоудай 后代)⁴. Его представителями, как правило, являются единственные дети в семье, которые застали период кардинальных и стремительных изменений в стране (прежде всего, под влиянием политики реформ и открытости)⁵. Среди наиболее ярких черт их творчества выделяют психологизм, натурализм, освещение актуальных социальных проблем, переоценку старых литературных концепций⁶. Чжан Юэжань, рожденная в 1982 году, – яркая представительница поколения «поствосемидесятников». Ее тексты адресованы молодому поколению – ее сверстникам, заставшим масштабные перемены в стране, еще не успевшей оправиться от трагических событий «культурной революции».

На сегодняшний день на русском языке представлены лишь два текста Чжан Юэжань: роман «Кокон» и повесть «Красные туфельки». На основе повести написаны научные работы, посвященные феноменам сиротства и усыновления в Китае⁷. В них образы героев трактуются исследователями как типические, собирательные, являющиеся инструментом, который обращает внимание читателя на реальные социальные проблемы современного общества. Не менее интересной представляется работа, посвященная образу «потерянного поколения» в Китае, написанная на основе романа «Кокон». Здесь система персонажей представляет собой «целый пласт населения, людей, преимущественно родившихся в 80-90-е годы», а текст – «полноценную детально прописанную литературную хронику»⁸.

Вместе с тем, писательница привлекает значительное внимание китайских исследователей с помощью уникального многоголосого повествования. Она концентрируется на эмоциональных переживаниях своих героев, а также задействует одновременно все органы чувств, обращаясь к разнообразным метафорам. Стиль Чжан Юэжань зачастую характеризуют фразой

⁴ Токарева А.В. Тенденции современной сетевой литературы Китая // Материалы Конференции «Ломоносов 2018». ООО «МАКС Пресс», 2018. С. 1.

⁵ Lian H. The post-1980s generation in China: Exploring its theoretical underpinning // Journal of Youth Studies. 2014. Т. 17. № 7. Р. 965.

⁶ Токарева А.В. Тенденции современной сетевой литературы Китая // Материалы Конференции «Ломоносов 2018». М., ООО «МАКС Пресс», 2018. С. 2.

⁷ Синецкая Э.А. Несколько слов о китайских сиротах, или по поводу прочтения повести «Красные туфельки» // Общество и государство в Китае. 2016. №2. С. 491-512; Болдырева Е.М. Красные туфельки китайской Лолиты: деконструкция сюжетной модели усыновления в повести Чжан Юэжань «Красные туфельки» // «Нежданный, как цветок над бездной, очаг семейный и уют...»: семейный дискурс русской и мировой литературы. 2020. С. 183-204.

⁸ Степаненко Ю.С. Образ «потерянного поколения» Китая на примере романа Чжан Юэжань «Кокон» // Ex Oriente Lux : Материалы шестой международной студенческой конференции востоковедов и африканистов. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2022. С. 50.

«поэзия и боль кроются в простоте», тем самым подчеркивая, что ей удается передать внутренние переживания героев, не прибегая к сложному стилю⁹. Кроме того, исследователи отмечают, что образ автора в текстах Чжан Юэжань практически стирается, уступая место воображению читателя, который «вместе с героями блуждает в чертогах их памяти»¹⁰.

В базе научных работ на английском языке не представлено ни одной работы, где творчество Чжан Юэжань – самостоятельный объект исследования. Чаще всего ее работы рассматриваются как часть т.н. молодежной литературы (youth literature) поколения «поствосьмидесятников»¹¹.

Таким образом, исследователи точно обращаются к особенностям творчества Чжан Юэжань, зачастую исследуя ее произведения в контексте литературы поколения балинхоу в целом. Тем не менее, мы полагаем, что ее работы требуют комплексного анализа, который позволит выделить специфические авторские черты репрезентации тем исторической памяти и травмы.

«Культурная революция» и «литература шрамов»

В востоковедном дискурсе активно изучается «литература шрамов» (шанхэнь вэньсюэ 伤痕文学), в которой осмыслиется опыт «культурной революции» (1966-1976). Значительный вклад в изучение данного феномена был внесен, в частности, А.Н. Коробовой, которая анализирует тексты представителей поколения очевидцев «культурной революции» (рожденных преимущественно в 1930-1960-х гг.), которые рассуждают о трагической судьбе и нравственных ориентирах молодого поколения, травмированного кровавыми событиями тех лет¹². Наиболее яркими произведениями этого течения являются, например, рассказы Лю Синью «Классный руководитель» (1977)¹³, Цзун Пу «Кто же я?» (1979)¹⁴, рассказы Фэн Цициая «Крик» (1979),

⁹ Сун Цайся. Чжан Юэжань сяошодэ юйянь тэсэ [宋彩霞. 张悦然小说的语言特色] (Языковые особенности романов Чжан Юэжань) // 短篇小说: 原创版. 2013. № 10. С. 31-32.

¹⁰ Ли Цзянь. Чжан Юэжань сяошо яньцзю - айдэ чжугути юй бинтай синьли [李佳恩. 张悦然小说研究—爱的主题与病态心理] (Исследование романов Чжан Юэжань - сюжеты о любви и патологическая психология). // 中国海洋大学. 青岛 · 2012.

¹¹ Guirong S. The Rising Tide of Chinese Youth Literature and its Gender Representations // China From Where We Stand: Readings in Comparative Sinology. 2016. P. 113-120; Song G., Yang Q. The Sound of Salt Forming: Short Stories by the Post-80s Generation in China. University of Hawaii Press, 2016.

¹² Коробова А.Н. Полемика о «литературе шрамов» и политика КНР в области литературы в конце 1970-х-середине 1980-х годов // Шаги/Steps. 2022. № 4. С. 120-135.

¹³ Лю Синью. Классный руководитель / Пер. А. Желуховцева // Люди и оборотни: Рассказы китайских писателей: Сб. / Пер. с кит.; Сост. и предисл. А. Желуховцева, В. Сорокина. М.: Прогресс, 1982. С. 84-106.

¹⁴ Китайские метаморфозы: Современная китайская художественная проза и эссеистика / Сост. и отв. ред. Д. Н. Воскресенский; Пер. с кит. С. Торощева и др. М.: Вост. лит., 2007. С. 136-142.

«Итальянская скрипка» (1981), «Высокая женщина и ее муж-коротышка» (1982)¹⁵ и др. Исследовательница отмечает: «Появление “литературы шрамов” – во многом стихийный процесс, когда пострадавшие от “культурной революции” люди выплескивали на страницы литературных произведений свою боль, делились своим горьким опытом»¹⁶.

Некоторые китайские критики считают, что появление «литературы шрамов» привело к концу «безличной» (фэйжэнь 非人) литературы, которая игнорировала человека, его внутренний мир и его эмоции¹⁷. После возникновения КНР в 1949 г. литература в значительной степени служила инструментом продвижения идеологии. Литературу 1950-х гг. Ю.А. Дрейзис описывает следующим образом: «К публикации и распространению допускались только те работы, которые строго соответствовали официальной партийной линии»¹⁸. После кампании по борьбе с правыми элементами 1957 г. на первый план окончательно вышла «настоящая пролетарская литература», где политический критерий преобладал над художественным¹⁹. В подобных текстах не уделялось внимание психологии человека, его внутренней мотивации, как правило, заключалась в безусловном желании служить партии. Ярким примером подобной литературы служит роман «Песня молодости» (1958) писательницы Ян Мо, который посвящен деятельности коммунистического подпольного движения до 1949 г. и наполнен значительным количеством дидактических элементов. Литературная деятельность находилась под строгим контролем вплоть до завершения «культурной революции». По этой причине появление критической «литературы шрамов» стало по-своему революционным и провозгласило новый этап литературного процесса в КНР. Обращение к внутреннему миру и чувствам героев позволило осмыслить опыт пережитых травматических событий.

Тем не менее китайские литературоведы отмечают, что жесткость и прямолинейность подхода «литературы шрамов», критика идеологии на эмоциональном уровне, а также упрощенное понимание причин страданий жертв, ограничили литературные возможности этого направления, порой игнорируя глубину человеческой натуры²⁰. «Литература шрамов» была со-

¹⁵ Фэн Цициай. Повести и рассказы: Сб. / Пер. с кит.; Сост. и предисл. Б. Рифтина. М.: Радуга, 1987.

¹⁶ Коробова А.Н. Полемика о «литературе шрамов» и политика КНР в области литературы в конце 1970-х-середине 1980-х годов // Шаги/Steps. 2022. № 4. С. 124.

¹⁷ Лэй Да. Цзинь саньшинянь Чжунго вэньсюэ сычао (Течения в китайской литературе за последние тридцать лет) // Ланьчжоу дасюэ чубаньшэ. 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chinawriter.com.cn/zxyd/2009-11-23/221.html> (дата обращения: 05.03.2024).

¹⁸ Дрейзис Ю.А. Основные тренды в развитии литературы КНР с 1949 года по настоящее время // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 5-1. С. 174.

¹⁹ Там же. С. 175.

²⁰ Лэй Да. Цзинь саньшинянь Чжунго вэньсюэ сычао (Течения в китайской литературе за последние тридцать лет) // Ланьчжоу дасюэ чубаньшэ. 2009 [Электронный ресурс]. URL:

здана травмированными людьми и была направлена на столь же травмированных читателей: она отражала уникальный эмоциональный опыт и внутренние страдания эпохи. Нельзя отрицать, что это течение стало новым этапом репрезентации эмоционального опыта переживания психотравмы в литературе.

Вместе с тем исследователи практически не обращаются к осмыслению исторической памяти через поколение – памяти людей, не заставших события 1966-1976 гг., но ощущающих на себе их последствия. Чжан Юэжань – яркий представитель поколения писателей, рожденных в 80-х гг. XX в. Исследование ее творчества позволяет расширить представление о китайской литературе на рубеже XX-XXI вв., сделать важные выводы о специфике репрезентации травматических событий в произведениях поколения «поствоьмидесятников».

Коллективная травма и «постпамять» в романе «Кокон»

Период после «культурной революции» (последняя четверть XX – начало XXI вв.) подробно описан в романе Чжан Юэжань «Кокон» (茧, 2016). Текст представляет собой историю семей из городка Наньюань, где в годы «культурной революции» произошла трагедия: в голову мужчине вогнали гвоздь, из-за чего тот стал инвалидом. Главными героями романа являются внуки участников событий – Ли Цзяци и Чэн Гун, которые оказываются заложниками тайн прошлого и не могут построить полноценные дружеские отношения. Встретившись спустя много лет, каждый из них рассказывает свою историю о поиске и прощении.

Проблемы исторической памяти, а также коллективной травмы ключевые в этом произведении. Джеффри Александер и Д.Ю. Куракин определяют коллективную травму как состояние, «когда члены некоего сообщества чувствуют, что их заставили пережить какое-либо ужасающее событие, которое оставляет неизгладимые следы в их групповом сознании, навсегда отпечатывается в их памяти и коренным и необратимым образом изменяет их будущую идентичность»²¹. В рамках китайской действительности второй половины XX в. коллективная травма зачастую – именно пережитый опыт «культурной революции» (1966-1976 гг.), за время которой погибло около 20 млн жителей КНР.

Касаясь же отношений отцов и детей в контексте коллективной травмы, мы сталкиваемся с явлением т.н. «постпамяти»²². Эта проблема, исследованная, в частности, Марианной Хирш, описывает отсутствие взаимопо-

<http://www.chinawriter.com.cn/zxyd/2009-11-23/221.html> (дата обращения: 05.03.2024).

²¹ Джеффри А., Куракин Д.Ю. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 6.

²² Куликов Е.А. Проблема функционирования индивидуальной и коллективной памяти в автофикшне // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 12 (48). С. 1-9.

нимания и коммуникации между разными поколениями. Внутри каждого поколения существуют различные представления о прошлом – они оказываются неспособны принимать новые идеи или варианты истории. Недостаток диалога между отцами и детьми приводит к тому, что молодое поколение чувствует бремя прошлого, при этом не имеет возможности осмыслить и идентифицировать свою историю²³. Это явление накладывает отпечаток и на «поствоьмидесятников», к которым и причисляются главные герои романа, одновременно представляя собой и фигуры рассказчиков. Очевидно, что проблема постпамяти оказывает влияние и на нарратив произведения.

Методы репрезентации травмы в романе

Тема исторической памяти и травмы проявляется в романе на нескольких уровнях организации текста: стиль, композиция, система персонажей, нарратив и отдельные языковые средства. Все они в совокупности позволяют Чжан Юэжань осветить проблематику коллективной травмы в китайском обществе.

Прежде всего, обратимся к образам героев в романе «Кокон». В произведении представлена достаточно сложная система отношений между персонажами, где переплетаются судьбы трех поколений, представителей трех разных семей: Ли, Чэн и Ван.

Главная трагедия романа происходит в годы «культурной революции», когда в небольшом провинциальном городке происходит преступление. Главными действующими лицами становятся представители поколения «дедушек». Именно Ли Цзишэн вместе с главой семьи Ван калечит дедушку Чэн Гуна, оставляя того в вегетативном состоянии до конца жизни. Тем не менее наказанию подвергается лишь Ван, который не выдержал позора и покончил жизнь самоубийством. Его жена, матушка Цинь, после этого лишается рассудка. Ли Цзишэн, талантливый хирург, пользуясь собственным положением, уходит от подозрений и избегает наказания. Они с женой проживают внешне спокойную и благополучную жизнь, пользуясь всеобщим уважением, и он умирает в собственной постели, так и не признав вины.

Поколение «родителей» представляет, прежде всего, Ли Муюань, сын прославленного хирурга. Он не смог жениться по любви на Ван Лухань, дочери преступника, из-за несмываемого позора на ее семье. Поступок отца не дает ему покоя, из-за чего Ли Муюань зачастую совершает импульсивные и иррациональные поступки, чтобы позлить Ли Цзишэна, пойти ему наперекор. По этой же причине он женится на матери Ли Цзяци, с которой никогда не найдет семейного счастья. Ван Лухань же вынуждена заботиться о больной матери, подвергаясь постоянному осуждению и агрессии со сто-

²³ Хирш М. Поколение постпамяти: письмо и визуальная культура после Холокоста / Пер. с англ. Н. Эшле. М.: Новое издательство, 2021.

роны соседей – до конца жизни она несет на своих плечах грех собственного отца. Она старается загладить вину, заботится о дедушке Чэн Гуна, прикованном к постели, и, в конце концов, обращается к религии. Хотя Ли Муюань и Ван Лухань в итоге сходятся, они все равно оказываются не способны обрести счастье из-за матери Ван Лухань, безумной матушки Цинь, которая стала живым напоминанием о тех кровавых событиях: «То есть лучше родить ребенка и поселить его с психопаткой, у которой в любой момент может начаться приступ?»²⁴. Ван Лухань вынуждена сделать аборт и потерять их общего ребенка, которого Ли Цзяци называет своей сестренкой: «Оно задрало голову и обратило на меня пустое лицо, заставляя признать родство между нами. <...> Я уже не вступлю в эту кровную связь, но никогда не смогу ее отрицать. Оно хотело, чтобы я это помнила. Оно смотрело на меня. Я почти видела виноградные косточки его глазок, с ненавистью взиравшие на меня из кровавой лужи»²⁵.

Отец Чэн Гуна, будучи представителем пострадавшей стороны, обозлился на весь мир. В молодости он активно занимался травлей Ван Лухань, дочери обидчика. В будущем он так и не смог оправиться от потрясения, бесконечно выплескивая ярость на окружающих, в том числе на собственную жену: «С самого раннего детства я постоянно видел, как он избивает маму, а еще видел, что она давно к этому привыкла»²⁶. В конце концов он попадает в тюрьму, оставив Чэн Гуна на попечение деспотичной бабушки, которая также не смогла полноценно справиться с потерей: «...бабушка очень сердилась и срывала зло на мне: гонялась за мной с метлой, кричала, что завтра же выставит из дома»²⁷.

Чэн Гун и Ли Цзяци, в свою очередь, – представители поколения «детей», которые родились уже после «культурной революции». Вместе с тем, коллективная травма, нанесенная тем самым «ужасающим событием», распространяется и на поколение внуков, отравляя их существование: Чэн Гун вынужден расти в нищете, потому что его семья лишилась кормильца, а Ли Цзяци всю жизнь чувствует себя недолюбленным ребенком, потому что отец никогда не был счастлив в браке: «С самого раннего детства я понимала, что папа маму не любит. Что они живут вместе просто потому, что женаты. Я догадывалась, что брак – это нечто вроде нашей школьной формы: сидит плохо, а все равно надо носить»²⁸.

От преступления, как от отправной точки, веером расходится череда ужасных последствий, из-за которых ломаются судьбы множества персонажей. Все герои романа в той или иной мере несчастны. Они занимаются по-

²⁴ Чжан Юэжань. Кокон. Роман / Пер. с кит. А. Перловой. М. Фантом Пресс, 2021. С. 304.

²⁵ Чжан Юэжань. Кокон. Роман / Пер. с кит. А. Перловой. М. Фантом Пресс, 2021. С. 304.

²⁶ Там же. С. 82.

²⁷ Там же. С. 94.

²⁸ Там же. С. 70.

иском себя: Ли Муюань пишет стихи, уезжает в другую страну заниматься бизнесом, в конечном счете трагически погибает в аварии, Чэн Гун становится одержим идеей мести за дедушку, Ли Цзяци оказывается обречена на бесконечный поиск информации об отце и тайнах прошлого. Даже нерожденный ребенок Ван Лухань предстает обозленным на весь мир, погубленным, словно травма распространяется на все поколения без исключения, даже на тех, кто еще не появился на свет.

Кроме того, Чжан Юэжань прибегает к мотиву цикличности. На уровне композиции он проявляется в виде закольцованности повествования. Встретившись спустя много лет, главные герои совершают путешествие в прошлое, пересказывая события своей жизни вплоть до дня их встречи, таким образом проходя символический круг «наши дни – прошлое – наши дни». Более того, послесловие автора, в которое интегрирована прямая цитата, начинающая роман («После возвращения в Наньюань я две недели выходила только в ближайший супермаркет...»²⁹), лишь подтверждает предположение.

Цикличность затрагивает и паттерны поведения, которые передаются героями из поколения в поколение. Так, травмированные взрослые наносят травму уже собственным детям, что порождает только новые несчастья и эпизоды насилия. Это ярко иллюстрирует фигура одного из главных героев, Чэн Гуна, который совершает многочисленные акты жестокости: закапывает в снегу собаку, калечит Ли Пэйсюань, совершает насилие по отношению к Шаше. Мальчик оказывается травмирован с раннего детства, став свидетелем сцен избиения своей матери. Однако он не оценивает случившееся в негативном ключе: «Я пересчитывал синяки на ее теле, один за другим, как облака перед дождем. <...> Мне нравилось смотреть на истерзанную маму, в такие минуты она была необыкновенно красива. И я думал, что она тоже должна нравиться себе после побоев, что для них она и рождена»³⁰. Из-за наследования подобного поведения, на протяжении всего текста последствия пережитой травмы оказываются гораздо более страшными, нежели проявление насилия «в моменте», так как деструктивное поведение персонажа не имеет реальной причины и цели. Писательница подчеркивает разрушительное воздействие прошлого, которое настигает ее персонажей через поколение, лишая возможности полноценной жизни.

С точки зрения нарратива роман является многоголосым: в его содержании главы от лица Ли Цзяци сменяются главами Чэн Гуна, поддерживая впечатление диалога между героями, «разлученными близнецами». Ли Цзяци и Чэн Гун словно исповедуются друг другу, тем самым вырываясь из плена прошлого. К концу романа они уже готовы двигаться дальше, остав-

²⁹ Чжан Юэжань. Кокон. Роман / Пер. с кит. А. Перловой. М. Фантом Пресс, 2021. С. 11.

³⁰ Там же. С. 83.

ляя позади коллективную травму: «–Все кончено, – сказала Ли Цзяци. – Я ведь уже говорила? – Да»³¹.

Символично, что духовное освобождение героев оказывается сопряжено со смертью Ли Цзишэна, дедушки Ли Цзяци. Этот персонаж, который также является связующей нитью с трагическим прошлым, никогда не признавал своей вины в совершенном преступлении, и даже на смертном одре он не показал раскаяния в собственных поступках: «– Гвоздь, ты помнишь тот гвоздь? <...> Ты чувствуешь за собой вину? Взгляд Ли Цзишэна проходил сквозь нее, растворяясь где-то в нездешней дали»³².

Дедушка Ли Цзяци предстает в качестве «поколения отцов», от которого Чжан Юэжань сознательно отворачивается, переоценивая старые убеждения. Этот поворот проявляется и на уровне стиля: масштабный по объему роман написан простым языком, в котором автор отходит от традиционного китайского канона цитирования литературной классики. Простота языка во многом является способом переработки травмы.

Вместе с тем, важной особенностью повествования и репрезентации травмы становится внедрение в текст фигуры ненадежного нарратора³³. В частности, Чэн Гун – рассказчик в этом произведении, и потому события, которые он описывает, проходят через его личную интерпретацию. По этой причине порой мотивация героя в сценах осуществления насилия не прослеживается: «Я подошел, взял ее за руку и завел в бамбук. Толкнул, она села на землю. Хотела закричать, но я схватил ее за шею. Какая тонкая шея – крутани посильнее, и сломаешь. Эта мысль немного меня отвлекла. Я отпустил ее шею и задрал платье. Она замерла и уже не кричала. Спустив шорты, я врезался в ее тело»³⁴. Этот эпизод написан сухим языком, с точки зрения частей речи в нем преобладают глаголы. По этой причине трудно определить, что движет персонажем в этот момент, какие эмоции тот испытывает. Чэн Гун словно осуществляет насилие рефлексивно, не задумываясь, потому что оно есть привычный, единственный, с детства известный ему механизм.

Под воздействием «постпамяти» – травматического опыта старших поколений – Чэн Гун инстинктивно проявляет агрессию к окружающим и замыкается в себе. Тем не менее ему удается «освободиться» именно в тот момент, когда он находит в себе силы отказаться от насилия и озлобленности. Обсуждая, проговаривая и осмысляя события коллективного про-

³¹ Там же. С. 532.

³² Чжан Юэжань. Кокон. Роман / Пер. с кит. А. Перловой. М. Фантом Пресс, 2021. С. 530.

³³ Жданова А.В. Структура повествования в условиях ненадежного нарратора (роман В.В. Набокова «Лолита»): специальность 10.01.08 «Теория литературы. Текстология»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Самара: Самарский государственный университет, 2007.

³⁴ Чжан Юэжань. Кокон. Роман / Пер. с кит. А. Перловой. М. Фантом Пресс, 2021. С. 426.

шлого, главные герои проходят символическое очищение от бремени, от невысказанности, которая их тяготит. Именно поэтому к концу книги оба нарратора замолкают, завершив свой рассказ, а повествование переходит к автору. В этот момент ненадежные нарраторы формально уже выполнили свою цель, и потому повествование от их лица больше не нужно.

Заключение

Тема «культурной революции» активно развивалась в начале 1980-х гг., когда наиболее активно и эмоционально осмыслялся опыт коллективной травмы. Этот сложный исторический период (1966-1976 гг.) изображается и в текстах «поствоьмидесятников» – потомков очевидцев «культурной революции», т.е. через поколение. Рефлексия этих событий продолжается, и в тексте Чжан Юэжань обращается напрямую к психологии человека, к тому, как травмированные люди продолжают наносить окружающим лишь новые травмы – в их действиях насилие самовоспроизводится. Ее роман «Кокон» представляет собой настоящую семейную сагу о попытке преодоления коллективной травмы, которая наложила свой отпечаток на судьбы многих поколений. Писательница демонстрирует, что лишь через принятие и проговаривание своего прошлого можно осуществить символическое освобождение.

Таким образом, в произведениях поколения «поствоьмидесятников» тема «культурной революции» уже не стоит так остро, как в произведениях очевидцев: Чжан Юэжань не использует дихотомию добра и зла, а напротив, рисует по-настоящему живых героев, способных ошибаться. Вместе с тем, она не стремится обвинить кого бы то ни было в трагических событиях, но рассуждает об обычных людях, которые оказываются беспомощны перед историческим роком и не способны преодолеть травму на протяжении нескольких поколений. Исследование ее творчества позволяет закономерно вписать его в литературный процесс современного Китая, который прошел эволюцию от «безличной» литературы к обличающей «литературе шрамов», а от «литературы шрамов» – к психологизму творчества «поствоьмидесятников».

Литература

Болдырева Е.М. Красные туфельки китайской Лолиты: деконструкция сюжетной модели усыновления в повести Чжан Юэжань «Красные туфельки» // «Нежданный, как цветок над бездной, очаг семейный и уют...»: семейный дискурс русской и мировой литературы. 2020. С. 183–204.

Джеффри А., Куракин Д.Ю. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 6–40.

Дрейзис Ю.А. Основные тренды в развитии литературы КНР с 1949 года по настоящее время // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 5–1. С. 173–188.

Жданова А.В. Структура повествования в условиях ненадежного нарратора (роман В.В. Набокова «Лолита»): специальность 10.01.08 «Теория литературы. Текстология»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Самара: Самарский государственный университет, 2007.

Китайские метаморфозы: Современная китайская художественная проза и эссеистика / Сост. и отв. ред. Д.Н. Воскресенский; Пер. с кит. С. Торопцева и др. М.: Вост. лит., 2007. С. 136–142.

Коробова А.Н. Полемика о «литературе шрамов» и политика КНР в области литературы в конце 1970-х-середине 1980-х годов // Шаги/Steps. 2022. №. 4. С. 120–135.

Куликов Е.А. Проблема функционирования индивидуальной и коллективной памяти в автофикшне // Russian Linguistic Bulletin. 2023. №12 (48). С. 1–9.

Куликова А.А. Художественное своеобразие прозы китайской писательницы Чжан Юэжань // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2024. № 23(4). С. 32–42.

Ли Цзяэнь. Чжан Юэжань сяошо яньцзю - айдэ чжугути юй бинтай синьли [李佳恩. 张悦然小说研究—爱的主题与病态心理] (Исследование романов Чжан Юэжань — сюжеты о любви и патологическая психология). // 中国海洋大学. 青岛 · 2012.

Лэй Да. Цзинь саньшинянь Чжунго вэньсюэ сычао (Течения в китайской литературе за последние тридцать лет) // Ланьчжоу дасюэ чубаньшэ. 2009.

Мо Янь пинлунь соинь [莫言评论索引] (Индекс комментариев Мо Яня) // Цзюцзю цзаншу ван [九九藏书网] [Электронный ресурс]. URL: <https://www.99csw.com/book/2167/63462.htm> (дата обращения: 05.03.2024).

Лю Синью. Классный руководитель / Пер. А. Желуховцева // Люди и оборотни: Рассказы китайских писателей: Сб. / Пер. с кит.; Сост. и предисл. А. Желуховцева, В. Сорокина. М.: Прогресс, 1982. С. 84–106.

Синецкая Э.А. Несколько слов о китайских сиротах, или по поводу прочтения повести «Красные туфельки» // Общество и государство в Китае. 2016. № 2. С. 491–512.

Степаненко Ю.С. Образ «потерянного поколения» Китая на примере романа Чжан Юэжань «Кокон» // Ex Oriente Lux : Материалы шестой международной студенческой конференции востоковедов и африканистов. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2022. С. 50.

Сун Цайся. Чжан Юэжань сяошодэ юйянь тэсэ [宋彩霞. 张悦然小说的语言特色] (Языковые особенности романов Чжан Юэжань) // 短篇小说: 原创版. 2013. №. 10. С. 31–32.

Токарева А.В. Тенденции современной сетевой литературы Китая // Материалы Конференции «Ломоносов 2018». ООО «МАКС Пресс». 2018. С. 1–3.

Фэн Цзицай. Повести и рассказы: Сб. / Пер. с кит.; Сост. и предисл. Б. Рифтина. М.: Радуга, 1987.

Хириш М. Поколение постпамяти: письмо и визуальная культура после Холокоста / М. Хириш; пер. с англ. Н. Эппле. М.: Новое издательство, 2021.

Чжан Юэжань. Кокон. Роман / Пер. с кит. А. Перловой. М. Фантом Пресс, 2021.

Чжан Юэжань дэ цянньши ши и чжукуйхуа [张悦然的前世是一株葵花] (В прошлой жизни Чжан Юэжань была подсолнухом) // Цзюцзю цзаншу ван [九九藏书网] [Электронный ресурс]. URL: <https://www.99csw.com/book/2167/63461.htm> (дата обращения: 15.02.2024).

Guirong S. The Rising Tide of Chinese Youth Literature and its Gender Representations // *China From Where We Stand: Readings in Comparative Sinology*. 2016. P. 113–120.

Lian H. The post-1980s generation in China: Exploring its theoretical underpinning // *Journal of Youth Studies*. 2014. Т. 17. № 7. P. 965–981.

Song G., Yang Q. The Sound of Salt Forming: Short Stories by the Post-80s Generation in China. University of Hawaii Press, 2016.

References

Jeffrey A. C., Kurakin D. Ju. Kul'turnaja travma i kollektivnaja identichnost' [Cultural trauma and collective identity], *Sociologicheskij zhurnal*. 2012. N. 3. P. 6–40 (in Russian).

Boldyreva E.M. Krasnye tufel'ki kitajskoj Lolity: dekonstrukcija sjuzhetnoj modeli usynovlenija v povesti Chzhan Jujezhan' "Krasnye tufel'ki" [The Red Shoes of Chinese Lolita: Deconstruction of the adoption story model in Zhang Yuezhan's novella "Red Shoes"], *Nezhdannyj, kak cvetok nad bezdnoj, ochag semejnij i ujut...: semejnij diskurs russoj i mirovoj literatury*. 2020. P. 183–204 (in Russian).

Drejzis Ju.A. Osnovnyetrendyvrazvitii literatury KNRs 1949 goda po nastojashhee vremja [The main trends in the development of literature in China from 1949 to the present], *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2019. N. 5-1. P. 173–188 (in Russian).

Feng Jicai. *Povesti i rassказы: Sb.* [Novellas and short stories: Collection], ed. and transl. from Chinese by B. Riftin. Moscow: Raduga, 1987. (In Russian).

Guirong S. The Rising Tide of Chinese Youth Literature and its Gender Representations, in *China From Where We Stand: Readings in Comparative Sinology*. 2016. P. 113–120.

Hirsh M. *Pokolenie postpamjati: pis'mo i vizual'naja kul'tura posle Holokosta* [The Generation of Postmemory. Writing and Visual Culture After the Holocaust], transl. from Eng. by N. Jepple. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2021 (in Russian).

Kitajskie metamorfozy: *Sovremennaja kitajskaja hudozhestvennaja proza i jesseistika* [Chinese Metamorphoses: Modern Chinese Fiction and Essays], ed. by D.N. Voskresenskij; transl. from Chinese by S. Toropcev. Moscow: Vost. lit. Publ., 2007 (in Russian).

Korobova A.N. Polemika o "literature shramov" i politika KNR v oblasti literatury v konce 1970-h-seredine 1980-h godov [The controversy about "Scar Literature" and the literary policy of the PRC in the late 1970s – mid-1980s]. *Shagi/Steps*. N. 8(4), P. 120–135 (in Russian).

Kulikov E.A. Problema funkcionirovanija individual'noj i kollektivnoj pamjati v avtofiksne [The Problem of Functioning of Individual and Collective Memory in Autofiction]. *Russian Linguistic Bulletin*. 2023. N. 12(48). P. 1–9 (in Russian).

Kulikova A.A. Hudozhestvennoe svoeobrazie prozy kitajskoj pisatel'nicy Zhang Yueran [The artistic originality of the prose of the Chinese writer Zhang Yuezhao]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija, filologija*. 2024. N. 23(4). P. 32–42 (in Russian).

Lian H. The post-1980s generation in China: Exploring its theoretical underpinning. *Journal of Youth Studies*. 2014. Vol. 17. N. 7. P. 965–981.

Liu Xinwu. Klassnyj rukovoditel' [The class teacher], ed. by A. Zhelohovcev, V. Sorokin; transl. from Chinese by A. Zhelohovcev, in *Ljudi i oborotni: Rasskazy kitajskih pisatelej* [Humans and Werewolves: Stories by Chinese Writers] Vol. 1. Moscow: Progress, 1982, P. 84–106 (in Russian).

Sineckaja Je.A. Neskol'ko slov o kitajskih sirotah, ili po povodu prochtenija povesti "Krasnye tufel'ki" [A few words about Chinese orphans, or about reading the story "Red Shoes"], *Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae*. 2016. N. 2. P. 491–512 (in Russian).

Song G., Yang Q. *The Sound of Salt Forming: Short Stories by the Post-80s Generation in China*. University of Hawaii Press, 2016.

Stepanenko Ju.S. *Obraz "poterjannogo pokolenija" Kitaja na primere romana Zhang Yueran "Kokon"* [The image of the "lost generation" of China on the example of Zhang Yuezhao's novel "Cocoon"], Ex Oriente Lux, Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet, 2022, p. 50 (in Russian).

Tokareva A.V. Tendencii sovremennoj setевой literatury Kitaja [Trends in modern Chinese online literature], in *Materialy Konferencii "Lomonosov 2018"*, "MAKS Press" Publ., 2018, p. 1–3 (in Russian).

Zhang Yuezhao. *Kokon. Roman* [Cocoon. Roman], transl. from Chinese by A. Perlova, Moscow: Fantom Press Publ., 2021 (in Russian).

Zhdanova A.V. *Struktura povestvovanija v uslovijah nenadezhnogo narratora (roman V.V. Nabokova "Lolita")* [The structure of the narrative in

terms of an unreliable narrator (V. V. Nabokov's novel *Lolita*)], Samara: Samarskij gosudarstvennyj universitet, 2007 (in Russian).

雷达 [Lei Da]. 近三十年中国文学思潮 [Trends in Chinese literature and thought in the past 30 years]. 兰州大学出版社. 兰州 · 2009 (in Chinese).

李佳恩 [Li Jian]. 张悦然小说研究—爱的主题与病态心理 [Research on Zhang Yueran's Novels - The Theme of Love and Pathological Psychology]. 中国海洋大学. 青岛 · 2012 (in Chinese).

莫言评论索引 [Mo Yan Comment Index]. Cangshuwang: Internet-portal [Electronic resource]. URL: <https://www.99csw.com/book/2167/63462.htm> (Date of access: 05.03.2023) (in Chinese).

宋彩霞 [Song Caixia]. 张悦然小说的语言特色 [Language characteristics of Zhang Yueran's novels]. 短篇小说: 原创版. 2013. N. 10. P. 31–32 (in Chinese).

张悦然的前世是一株葵花 [Zhang Yueran's previous life was a sunflower]. Cangshuwang: Internet-portal [Electronic resource]. URL: <https://www.99csw.com/book/2167/63461.htm> (Date of access: 15.02.2024) (in Chinese).

Historical Memory in Zhang Yuezhan's Fiction Based on the Novel "Cocoon"

Yulia Kiseleva, student, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow), yugkiseleva@edu.hse.ru

The understanding of the events of the Cultural Revolution (1966-1976) through the prism of literature is still very relevant, and therefore it is necessary to trace how the perception of historical events by representatives of different generations and literary movements has changed. The article is devoted to the reflection of the themes of violence and historical memory in Zhang Yuezhan's novel «Cocoon» (Jian 《茧》, 2016), which manifest themselves at the level of narrative, character images, linguistic means, etc. The study allows us to expand the knowledge of Chinese literature at the turn of the 20-21st centuries, to draw important conclusions about the specifics of the representation of traumatic events in the works of the «post-1980s generation». Psychologism, the appeal to the concepts of memory and «post-memory» allow Zhang Yuezhan to demonstrate in a new way the emotional experience of experiencing trauma by people born after the events of the Cultural Revolution.

Keywords: historical memory, collective trauma, post-memory, the figure of an unreliable narrator, Cultural Revolution

For citation: Kiseleva Yu.G. (2025) Historical Memory in Zhang Yuezhan's Fiction (Based on the Novel "Cocoon") // *Metamorphosis*. Vol. 9. N. 2. P. 97-111.

Date of receipt: 03.11.2024.